

ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЯПОНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация

Период с начала 1990-х гг. характеризуется для Японии значительными трансформациями отдельных компонентов политической идентичности. Проведенный анализ общественных настроений в отношении актуальных для японского общества вопросов показал, что за последние 30 лет количество людей, склонных делать акцент на индивидуальных жизнях отдельных людей, а не на обществе в целом, постепенно увеличивается. Также среди японцев все чаще звучат мнения о необходимости пересмотра многих ограничительных положений послевоенной Конституции, в особенности статуса сил самообороны. При этом приверженность пацифизму сохраняется у подавляющего большинства японцев. Делается вывод о том, что трансформация политической идентичности Японии на современном этапе направлена на разрешение кризиса идентичности, который основан на ряде противоречий: попыток принятия ценностей индивидуализма с сохранением приверженности коллективизму, следование идеалу пацифизма на фоне попыток элит пересмотреть место Японии в мире.

Ключевые слова: политическая идентичность, Япония, индивидуализм, коллективизм, пацифизм, силы самообороны, международные отношения.

Автор

Костин Павел Сергеевич

Студент магистратуры историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия)

Последнее десятилетие XX в. характеризовалось для Японии (как и для многих других стран) резкими внутривнутриполитическими изменениями, происходившими на фоне пересмотра системы международных отношений после распада СССР. Внутренняя и внешняя нестабильность и неопределенность привели к очередному «кризису идентичности», который не только актуализировал вопрос о месте Японии в мире, но и открыл окно возможностей для потенциального пересмотра отдельных элементов и символов японской идентичности. Поэтому целью проведенного исследования стало стремление не только определить составляющие японской идентичности, наиболее

склонные к изменениям в последние 30 лет, но и охарактеризовать динамику и векторы возможной трансформации этих элементов. Неудивительно, что современное состояние политической идентичности Японии нередко называют «кризисом идентичности» [10]. Похожая ситуация наблюдалась и в 1990-е годы, когда на фоне краха биполярной системы Япония столкнулась с необходимостью пересмотра как своего места в мире, так и внутреннего самоощущения японцев.

На фоне этого нарастающие темпы глобализации, совпавшие с разочарованием от окончания «эпохи японского чуда» и последовавшим за ним отказом от идеи «японской исключительности» [7], вновь актуализировали то, что

исследователи иронично называют «японской идеологией ничего» [11] — слабое представление японцев о национальной идентичности. Иностранец не раздумывая сможет вспомнить сразу несколько стереотипных представлений о японской идентичности, однако сами японцы, вероятнее всего, с трудом смогут объяснить, чем они отличаются от других «иных», кроме как местом рождения и кровным родством. Данное обстоятельство легко заметить даже на примере общепризнанных символов, вокруг которых конструируется базовая политическая идентичность японцев. Несмотря на широкое распространение как до, так и после Второй мировой войны, «Хиномару» (большой красный круг на белом полотне) официально был признан государственным флагом лишь в 1999 году [9]. Тогда же был закреплен и официальный гимн, который многие японские дети до сих пор ассоциируют с боями «сумо», а не с государственным символом [11].

Аналогичная проблема наблюдалась и в послевоенной Германии. И немцы, и японцы проиграли войну и подверглись международному порицанию за военные преступления. И тем и другим пришлось преодолевать «трудное прошлое», но предлагаемые элитами национально-государственные символы не смогли стать новыми маркерами идентичности. Проблемы исторической ответственности в Японии и Германии схожи. Но если немцы смогли не только принять «ужасы» своей истории, но и регулярно возвращаются к этим сюжетам в политике и культуре, вновь и вновь рефлексируя по поводу спорных моментов истории, то японцы выбрали другой способ преодоления — замалчивание.

Во многом подобное положение вещей обусловлено неопределенностью политической и экономической обстановки — японцы зачастую не уверены в завтрашнем дне, и постоянно меняющийся «глобализированный»

современный мир лишь поддерживает подобную неуверенность (в частности именно из-за этого японцы довольно часто выбирают ответы «я не знаю» при участии в социологических опросах — не потому, что боятся отвечать, а действительно не имеют четкого представления).

Описанные проблемы усугубляются и тем, что «идеология ничего» зачастую сопровождается «нихондзинрон» — ожесточенными дебатами относительно уникальных и отличительных черт японского общества и культуры [2]. Данные дискуссии и теории зачастую не основываются на какой-либо доказательной базе и практически не подлежат эмпирической проверке. Однако благодаря активной работе Правительства Японии и множества исследовательских центров (которые проводят ежегодные социологические опросы по самым разным темам — от состояния общественного сознания до отношения к внешней политике), мы можем отследить динамику трансформации основных элементов и наиболее ярких маркеров идентичности, о которых шла речь в предыдущей главе.

Среди политических составляющих идентичности, как нам кажется, наиболее важно рассмотреть ценностное измерение индивидуализма и коллективизма, так как результаты проведенного анализа указывают на то, что широко распространенное мнение о «коммунитарном» характере японского общества не всегда соответствует действительности. Помимо этого, в последние несколько лет все чаще поднимаются вопросы, связанные с пересмотром конституции (прежде всего Статьи 9), поэтому имеет смысл рассмотреть, как меняется отношение японцев к сложившейся конфигурации сил самообороны и насколько сильно проявляется японский пацифизм на низовом уровне. Наконец, важно понимать, какое место, по мнению граждан, должна занимать Япония в новой

системе международных отношений, так как именно этот вопрос и обострил споры об идентичности после окончания холодной войны.

Для ответа на поставленные вопросы используются данные социологических опросов, проведенных по заказу Кабинета министров Японии в период с 1991 по 2023 гг. Для поиска векторов трансформации (или отсутствия таковой) используются результаты опросов по состоянию общественного сознания [6] и опросов общественного мнения, посвященных отношению к силам обороны и вопросам защиты [5]. Для выявления динамики трансформации результаты опросов брались с промежутком 3–4 года. Данные были переведены с японского языка, обработаны и представлены в табличном виде ниже.

В ежегодном опросе о состоянии общественного сознания один из вопросов затрагивает уровень осведомленности общества о распространности идей коллективизма и индивидуализма в Японии (см. табл. 1). Обработанные данные за последние 30 лет указывают на то, что японцы все

еще склонны смотреть на социум через призму коллективизма — большинство респондентов отмечали акцент на общегосударственных и «надличностных» вопросах. Несмотря на это, последние 15 лет отчетливо наблюдается тренд роста приверженности многих японцев ценностям индивидуализма. Необходимость выстраивания политики с акцентом на индивидуальные жизни людей к 2020-м годам отмечают более 40% респондентов, а в 2018 г. их доля практически сравнялась со сторонниками идей коллективизма в общественной жизни.

Ряд вопросов анкеты включает в себя оценку текущего политического курса японского государства. Особенный интерес представляет вопрос, в котором респондентам предлагают оценить степень приверженности принципу пацифизма (см. табл. 2).

Вновь подавляющее большинство ответов подтверждают распространенное мнение о популярности идей пацифизма среди японского населения (ответы респондентов колеблются в районе 80% положительных ответов).

Таблица 1. Существуют мнения, что люди должны «больше ориентироваться на страну и общество», и мнения, что «они должны уделять больше внимания реализации своей личной жизни». Как вы думаете, с каким из этих утверждений вы согласны?

	Акцент на стране и обществе	Акцент на личные жизни отдельных людей	Не могу обобщить	Не знаю
1991	51,30%	29,70%	16,10%	3%
1994	45,30%	34,90%	16,30%	3,50%
1997	49,90%	32,40%	14,50%	3,20%
2000	47,50%	31,40%	18,10%	3%
2003	44,70%	33,90%	17,90%	3,50%
2006	49,10%	32,60%	15,40%	2,9%
2008	52,70%	37%	10,30%	х
2012	55,20%	33,30%	10,60%	1%
2015	47,80%	41%	10,20%	1%
2018	45,50%	42,20%	11,10%	1,20%
2022	58,10%	40,30%	х	х

**Таблица 2. Какой страной, по вашему мнению, является Япония сегодня?
Пожалуйста, выберите подходящий ответ для каждого из следующих вопросов.
1) Придерживается пацифизма**

	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Я не знаю
1991	36,50%	46,80%	10,40%	2,90%	3,40%
1994	32,10%	50,90%	11%	2,40%	3,60%
1997	28,10%	49,70%	14,40%	4,60%	3,30%
2000	28,30%	51,80%	12,50%	3,70%	3,60%

Однако интерес вызывает то, что за 10 лет постепенно увеличивалась доля сомневающихся в пацифистских идеях японского государства, что выражается в росте количества ответов «скорее да» и «скорее нет». Что интересно, начиная с 2003 г. (с 2000 по 2003 гг. опрос о состоянии общественного сознания не проводился) использовался другой вариант анкеты, из которого был исключен вопрос о приверженности пацифизму.

Также именно в этот период начались активные попытки трансформации законодательной базы японского государства, в частности — сил самообороны. В 2005 г. Либерально-демократической партией Японии был принят партийный проект изменений в Конституции. В тексте проекта было сохранено

упоминание об отказе от войны как способа решения конфликтов, однако была значительно пересмотрена роль Сил самообороны, которым разрешалось участие в военных операциях за пределами государства [1]. Несмотря на исключение из анкеты вопроса о пацифизме, отношение японцев к вопросам мира и безопасности можно отследить по результатам исследования общественного мнения и отношения к Силам самообороны и вопросам защиты. Особенно актуальным это становится и в контексте упомянутого проекта Конституции ЛДП, который предусматривал иную конфигурацию военных сил страны.

Один из интересующих нас вопросов затрагивает уровень заинтересован-

Таблица 3. Интересуетесь ли вы Силами самообороны Японии?

	Очень заинтересован	В некоторой степени заинтересован	Не очень заинтересован	Не заинтересован вовсе
1991	17%	50,30%	24,80%	5,40%
1994	11%	45,70%	31,30%	9,50%
1997	10%	47%	31,60%	10,10%
2000	11,90%	45,90%	32,40%	8,80%
2003	13%	46,40%	29,90%	9%
2006	15,40%	52%	25,60%	6,30%
2008	14,10%	50,60%	28,10%	6,30%
2012	16%	53,80%	24,40%	4,90%
2015	19,40%	52,10%	22,90%	5,20%
2018	14,90%	52,90%	25,90%	5,50%
2022	19,10%	59,10%	16,90%	3,20%

Таблица 4. Как вы считаете, стоит ли правительству укреплять Силы самообороны Японии? Считаете ли вы текущее положение приемлемым или было бы лучше уменьшить их количество?

	Следует увеличить	Текущее состояние оптимально	Следует уменьшить	Я не знаю
1991	7,70%	62,10%	20%	10,30%
1994	6,30%	66,20%	15,30%	12,10%
1997	7,50%	64,30%	15,50%	12,80%
2000	13,50%	66,10%	8,70%	11,60%
2003	15,80%	61,80%	8,40%	14,10%
2006	16,50%	65,70%	8,40%	9,40%
2008	14,10%	65,10%	10,70%	10,10%
2012	24,80%	60%	6,20%	9%
2015	29,90%	59,20%	4,60%	6,3
2018	29,10%	60,10%	4,50%	6,20%
2022	41,50%	53%	3,60%	1,90%

ности в сфере обороны и функционировании Сил самообороны (см. табл. 3).

Несмотря на то, что уровень заинтересованности в вопросах обороны на протяжении 30 лет остается примерно на одном уровне, возрастные и половые различия позволяют лучше понять феномен японского пацифизма. Что примечательно, «интересующихся» намного больше среди мужчин (в разные годы на 10–30%). По возрастным группам доля тех, кто заинтересован, практически всегда высока в возрасте 50–60 лет и старше, тогда как отсутствие интереса наиболее ярко проявляется в возрасте 20–30 лет. Похожий разброс наблюдался и в ответах, связанных с отношением к дихотомии «коллективизм vs индивидуализм».

Как уже было упомянуто, функции Сил самообороны вызывают дискуссии в японском обществе (в том числе на государственном уровне). Контекст этих острых споров наглядно показывают ответы на вопрос, связанный с необходимостью увеличения/уменьшения количества и финансирования Сил самообороны (см. табл. 4).

На протяжении последних 30 лет наблюдается уверенный рост количества людей, которые выступают за увеличение количества и качества Сил самообороны. Причем этот рост наблюдается, как видно из табл. 3, без значительного изменения доли людей, интересующихся состоянием Сил самообороны — японское общество все больше выступает за развитие военного и оборонительного потенциала страны. В период с 1991 по 2022 г. можно выделить несколько резких «скачков» общественного мнения по данному вопросу.

Первый «скачок» относится к началу 2010-х гг., что вполне вероятно могло быть обусловлено свежими воспоминаниями о «Великом восточно-японском землетрясении» 2011 года, в результате которого погибло или пропало без вести больше 20 000 японских граждан, а экономике сразу нескольких префектур был нанесен катастрофический ущерб. Одна из основных функций Сил самообороны — ликвидация последствий природных бедствий, экологических катастроф и оказание

Таблица 5. Япония в настоящее время имеет ратифицированный договор о безопасности с Соединенными Штатами. Считаете ли вы, что японо-американский договор о безопасности помог миру и безопасности Японии, или нет?

	Полезен для Японии	Относительно полезен	Относительно бесполезен	Бесполезен
1991	27%	36,50%	13,30%	4,90%
1994	27,90%	40,40%	10,60%	3,90%
1997	25,70%	43,70%	11,90%	3,50%
2000	29,80%	41,70%	13,70%	4,50%
2003	31,30%	42,00%	10,10%	3,20%
2006	34,80%	40,30%	12,10%	4,90%
2008	31,30%	45%	7,40%	4,30%
2012	36,80%	44,40%	8,60%	2,30%
2015	38,50%	44,40%	8%	2,70%
2018	29,90%	47,60%	12,60%	3,10%
2022	39,10%	50,60%	7,10%	2,00%

помощи пострадавшим. Это важно учитывать при анализе пацифистских настроений японцев — желание видеть более многочисленную и эффективную армию для многих японцев вполне может быть обусловлено не международными, а внутренними вопросами безопасности.

Международная обстановка также повлияла на настроения японского населения. В 2011–2012 гг. наблюдается новый виток обострения японских отношений с Китаем из-за спора о принадлежности архипелага Сенкаку — конфликт не перешел в активное противостояние, но привел к значительному увеличению количества военных сил на границе. Помимо этого, в конце 2011 г. к власти в Северной Корее пришел новый лидер — Ким Чен Ын, при котором КНДР еще интенсивнее стала реализовывать свою ядерную программу. И Китай, и КНДР в значительной степени влияют на трансформацию отдельных элементов идентичности японцев, в особенности связанных с безопасностью и местом Японии в мире.

Другое интересное наблюдение связано с тем, что, исходя из ответов

респондентов, террористические акты в США 11 сентября 2001 года, которые стали одним из определяющих явлений для системы международных отношений в начале 2000-х гг., практически не повлияли на мнения японцев о безопасности в долгосрочной перспективе.

Второй случай резкого изменения общественного мнения мы можем наблюдать прямо сейчас (данные за 2022 г. в табл. 5). Трудно объективно оценивать столь недавние явления, но можно предположить, что на резкий рост повлияли как внутренние процессы (смена эпохи, последствия пандемии COVID-19 и др.), так и нестабильность международного порядка (военный конфликт России и Украины, новый виток обострения китайско-тайваньских отношений и др.).

На фоне выявленных тенденций неудивительно, что за последние 30 лет все больше японцев склонны положительно оценивать вклад США в безопасность государства, что выражается в поддержке (или отсутствии таковой) договора о безопасности между Соединенными штатами и Японией (см. табл. 5). Договор, который еще

в 1960-е гг. стал причиной масштабных протестных акций (что совершенно не свойственно для японской политики), сегодня является одним из общепринятых и широко одобряемых элементов японской политики. Особенно важны современные положительные оценки роли США в контексте памяти об атомных бомбардировках и оккупации — это указывает не только на динамизм политической идентичности, но и на то, что политическая психология как сфера общественного сознания зачастую характеризуется противоречивостью, допуская одновременное сосуществование самых разноречивых и даже противоположных эмоций.

Исследователи также отмечают и иные черты японской политической идентичности, которые в наибольшей степени подверглись изменениям за последние 30 лет. Семейные ценности (несмотря на распространенную точку зрения, что именно японская семья является источником трансляции ценностей коллективизма) в последние десятилетия становятся все более «индивидуалистскими», что обуславливает некоторую схожесть с обычными западными нуклеарными семьями. Родители все чаще отдают предпочтение воспитанию в детях терпимости, самостоятельности и независимости, а среди японских школьников благодаря реформам образования все чаще наблюдается стремление к инициативности и соревновательности [2; 8].

Отечественные ученые также отмечают особенное японское отношение к демократии, из-за чего японской политике даже сегодня свойственно парадоксальное сочетание лояльности и апелляции к авторитету с демокра-

тическими процедурами. При относительно невысоком уровне доверия к политическим партиям [3], японцы продолжают отдавать предпочтения конкретным политикам, относясь к ним как к «профессионалам», с которыми намного легче установить контакт. Также отмечается постепенное увеличение grassroots-движений¹ и стремление японцев более активно участвовать в политических процессах [4].

Обобщая сказанное выше, анализ опросов общественного мнения позволяет увидеть, что коллективизм действительно можно назвать одной из базовых ценностных парадигм для японцев, что, однако, не исключает и постепенный рост внимания к различным аспектам индивидуализма — данная трансформация кажется естественной на фоне глобализационных процессов современности, в которых страны «индивидуалистского запада», с которыми у Японии частые контакты, играют значительную роль. Помимо этого, среди японского населения наблюдается резкая и противоречивая трансформация отношения к вопросам самообороны — сохраняя приверженность пацифизму, все больше людей склонны видеть более боеспособные Силы самообороны (за 30 лет количество сторонников данной позиции увеличилось в 4–5 раз). Это вполне объяснимо как стремительными изменениями международной обстановки и баланса сил, так и вполне закономерными действиями японских элит по пересмотру места Страны восходящего солнца в азиатском регионе и мире.

¹ Grassroot-движения (с англ. — «корни травы») — движения «снизу», организованные гражданами для борьбы за свои права. — *Прим. ред.*

Литература

1. Горячева Е.А., Кожевников В.В. О пересмотре Конституции Японии // Россия и АТР. — 2018. — № 1 (99). — С. 133–147.
2. Иногути Т. Политическая культура Японии // Ежегодник Японии. — 2017. — № 46. — С. 76–96.

3. Чугров С.В., Карелова Л.Б. Специфика и основные тренды политической идентичности японцев: по материалам опросов общественного мнения 1998–2019 гг. // Социологический журнал. — 2019. — № 4. — С. 38–55.
4. Чугров С.В., Карелова Л.Б. Япония как «обычная страна»: метаморфозы политической идентичности (аналитический обзор опросов общественного мнения) // Социологический журнал. — 2020. — № 1. — С. 87–108.
5. Cabinet Office Minister's Secretariat. Public Opinion Survey on Self-Defense Forces and Defense Issues 1991–2023 (in Japanese). Retrieved from Public Opinion Polls by the Cabinet Office. Available at: <https://survey.gov-online.go.jp/r04/r04-bouei/index.html> (accessed: 18.11.2023).
6. Cabinet Office Minister's Secretariat. Public Opinion Survey on Social Awareness 1991–2023 (in Japanese). Retrieved from Public Opinion Polls by the Cabinet Office. Available at: <https://survey.gov-online.go.jp/r03/r03-shakai/index.html> (accessed: 18.11.2023).
7. Harada T. PAX JAPONICA: The Resurrection of Japan. — London: LID Publishing, 2017.
8. Inoguchi T., Mikami S., Fujii S. Social capital in East Asia: Comparative political culture in Confucian societies // Japanese Journal of Political Science. — 2007. — Т. 8. — № 3. — С. 409–426.
9. Kang C.S. Korea and the dynamics of Japan's post-cold war security policy // World Affs. — 2001. — Т. 164. — С. 51.
10. Knittel S. Japan's identity crisis // IPS-Journal. 2019. Available at: <https://www.ips-journal.eu/regions/asia/japans-identity-crisis-3839/> (accessed: 18.11.2023).
11. Tamamoto M. The ideology of nothingness: a meditation on Japanese national identity // World Policy Journal. — 1994. — Т. 11. — № 1. — С. 89–99.